

В КОНЦЕ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА: ПОБЕДА НАД СОЮЗНИКОМ ИЛИ КОМПРОМИСС С ВРАГОМ?

В статье выясняются обстоятельства подписания прусским командованием Таурогенской конвенции 18 декабря 1812 года, в результате которой прусский корпус вышел из состава французской армии и был объявлен нейтральным. Вопреки существующей на сегодняшний день историографической традиции, отпадение прусских войск от французских в ней рассматривается не как добрая воля прусских генералов, а как победа российского оружия.

Ключевые слова: Дибич, Йорк, Клаузевиц, Тауроген, нейтральная конвенция.

K. B. Zhuchkov

AT THE END OF 1812: VICTORY OVER THE ALLY OR COMPROMISE WITH THE ENEMY?

The article investigates the circumstances of signing the Taurogensky convention by the Prussian command on December 18, 1812. This event resulted in the Prussian case leaving the French army and being declared neutral. Contrary to the established historiography tradition that interprets this fact as a good will of Prussian generals the author considers falling away of the Prussian troops from the French army to be a victory of the Russian weapon.

Keywords: Dibich, York, Clausewitz, Taurogen, neutral convention.

В самом конце 1812 г., 18 (30) декабря, генерал Г. Йорк, командующий прусскими войсками в составе X корпуса французской армии маршала Ж. Макдональда, находившимися на территории России, в Курляндии, в местечке Тауроген подписал соглашение с командиром русского авангарда генералом И. И. Дибичем, в результате которого прусские войска отпадали от французских войск и объявлялись нейтральными. Соглашение, именуемое Таурогенской конвенцией, выводило из-под власти Ж. Макдональда большую часть его войск и вызвало нарекания со стороны французских современников и историков, называвших поступок Г. Йорка не иначе как «trahison» и «defection», как предательство и измену.

Историографическая традиция невольно подтверждает это нелестное мнение о прусских войсках, поскольку на причины и обстоятельства подписания Таурогенской конвенции вот уже почти два столетия господствует единственная точка зрения, в свое время высказанная К. Клаузевицем, который участвовал в переговорах И. И. Дибича с Г. Йорком. К. Клаузевиц, находившийся в главной квартире И. И. Дибича, подозревал Г. Йорка в хитрости, но, тем не менее, считал желание Г. Йорка отложиться от французских войск искренним и описал Г. Йорка, как старого прусского солдата, пытавшегося в этом деле только сохранить хорошее лицо [9, с. 137, 140]. Суждение К. Клаузевица о причинах заключения соглашения оказалось непререкаемым и в российской историографии.

Между тем, специальных исследований на эту тему в российской исторической литературе нет. В статье И. С. Звавича по поводу подписания конвенции используется рассказ К. Клаузевица, так же, как и в общих работах по истории Отечественной войны 1812 г. и внешней политики России. Изданная на русском языке К. А. Военским переписка между Г. Йорком и Ф. О. Паулуччи, опубликованная в свое время Ю. Эккартом, не касается напрямую заключения конвенции [5, 380–443; 19, 61–133]. В результате этого в литературе сложилась позиция, согласно которой продолжение войны было поставлено в зависимость от доброй воли прусских генералов.

Больше того, рассказ К. Клаузевица до сих пор является единственным источником сведений о заключении конвенции в отечественной литературе, в которой за истекшие почти два века не прибавилось ни одного документа, касающегося данной проблемы. Ни в одной, даже современной публикации, рассказывающей об отпадении прусского корпуса от французской армии, российские историки не прибавили ни одного нового штриха к версии прусского подполковника. Тем более не шло и речи о пересмотре его концепции.

Между тем, еще И. Г. Дройзен в свое время по поводу версии К. Клаузевица заявил, что присутствие длительное время К. Клаузевица и Г. Йорка в разных лагерях прусской оппозиции наложило отпечаток на представления К. Клаузевица. «Они затуманили его понимание событий и еще более его суждения о личностях» [18, с. 472]. Именно И. Г. Дройзен впервые оспорил версию К. Клаузевица относительно действительных обстоятельств отпадения прусского корпуса.

Суть концепции, изложенной К. Клаузевицем и многократно растиражированной отечественными историками, состоит в том, что Г. Йорк на самом деле симпатизировал русским и только пытался обставить все дело как можно правдоподобнее, которое должно было выглядеть так, будто он на самом деле подчинился только необходимости военной силе. Иначе говоря, согласно К. Клаузевицу, Г. Йорк добровольно перешел в русский лагерь, и только желание спасти свою военную репутацию заставляло его обставлять все дело военными причинами.

Однако характер Г. Йорка не позволяет подобной трактовки событий. «В этой холодной, скрытой, сумрачной натуре была гордость, которая исключала любое тщеславие, было острое понимание долга, которое в преодолении опасности проявило себя вдвойне стороже и размереннее, была сила самообладания, которую ни на секунду не поколебали привлекательное удобство великого момента, непреодолимое желание славы и сама острота ненависти [к французам]» [18, с. 471–472]. Ни под каким видом Г. Йорк ради личных симпатий не нарушил бы присяги.

Помимо военной концепции, точка зрения К. Клаузевица на политические последствия заключенного соглашения оказалась приоритетной как в российской, так и в зарубежной историографии. Согласно ей именно переход Г. Йорка в стан противников позволил русским войскам захватить Восточную Пруссию и продолжить наступление, тем самым вызвав переход прусского короля от нерешительности к союзу с Россией. Несостоятельности политической концепции К. Клаузевица мы уже посвящали специальное исследование [8, 267–287]. Теперь пришел черед остановиться на военной.

В отечественной историографии неправильно охарактеризованы характер Г. Йорка, численность и моральное и физическое состояние прусских войск, находившихся с ним в момент заключения соглашения, как и численность русских войск, принуждавших его к отложению, оперативная и тактическая обстановка в месте заключения конвенции, ложно атрибутированы действия Г. Йорка в процессе переговоров, неверно поняты его побудительные причины к началу переговоров, вообще не прояснена военная обстановка, окружавшая прусский корпус в Колтынянах.

Как это ни покажется странным, но при описании события, связанного с действием двух противоборствующих воинских соединений, в условиях продолжавшихся военных действий и на театре военных действий, в отечественной литературе рассматривались любые другие, но только не военные причины и обстоятельства заключения соглашения. С нашей точки зрения, Таурогенская конвенция 1812 г. должна исследоваться, во-первых, с точки зрения военных причин ее подписания и, во-вторых, с точки зрения влияния ее на ход военных действий в краткосрочном периоде, то есть в ближайшей оперативной перспективе. С этой целью необходимо рассмотреть военные обстоятельства, в которых находился прусский корпус в конце 1812 г., и влияние его отпадения на решения французского командования в начале 1813 г. Для этого надо осветить и тактическую, и оперативную обстановку в декабре 1812 – январе 1813 г. в Курляндии, Литве и Восточной Пруссии.

В ходе успешного преследования остатков «московской» армии Наполеона и освобождения осенью 1812 г. Белоруссии и Литвы от французских войск, перед М. И. Кутузовым стала задача нейтрализовать фланговые корпуса Великой Армии и не допустить их соединения с остатками французской армии, бежавшими из Москвы. С этой целью, сразу после сражения на р. Березина фельдмаршал распорядился командующим русскими войсками на своем левом фланге 3-й Западной армии адмирала П. В. Чичагова, отдельных корпусов генерала Ф. В. Сакена, М. И. Платова и П. Х. Витгенштейна, организовать преследование отступавшего противника так, чтобы исключить соединение французских войск в Литве и Польше.

Отрезание австрийского корпуса фельдмаршала К. Шварценберга, находившегося на границе России и Польши, М. И. Кутузов возложил на передовые отряды Главной армии и начальника авангарда Главной армии генерала М. А. Милорадовича. Вместе с тем, задачу отрезать корпус Ж. Макдональда М. И. Кутузов поручил П. Х. Витгенштейну. Общее вклинение русских войск между Восточной Пруссией и Польшей, не допускавшее бы оперативного сообщения между отрезаемыми группировками противника, было возложено на П. В. Чичагова и М. И. Платова.

19 ноября (1 декабря) 1812 г. М. И. Кутузов одобрил намерение П. Х. Витгенштейна «отрезать Макдональда и не допустить его соединение с Наполеоном» [10, с. 425]. Одновременно другим своим сообщением М. И. Кутузов извещал П. Х. Витгенштейна о направлении движения Главной армии, которая «пойдет левее армии адмирала Чичагова в направлении через Смоленичи... на [Новые] Троки. Сим движением надеюсь я воспрепятствовать соединению Шварценберга с Наполеон [ом]» [10, с. 427]. План нейтрализации французских и союзных войск был неоднократно сообщен М. И. Кутузовым: 19 ноября (1 декабря) П. В. Чичагову и Александру I, 21 ноября (3 декабря) А. П. Тормасову и А. П. Ожаровскому [10, с. 428, 430, 439, 440].

Оставаясь в неведении относительно планов противника и не имея еще достаточных сведений о его движениях, но, вместе с тем, осознавая угрозу соединения Ж. Макдональда с К. Шварценбергом в Вильно, М. И. Кутузов 22 ноября (4 декабря) уведомил П. В. Чичагова, «что по теперешним обстоятельствам, где Наполеон отступает на Вильну, нужно отнять у него все способы к усилению его армии» [10, с. 444]. 23 ноября (5 декабря) М. И. Кутузов предписал П. В. Чичагову остановиться при г. Ошмяны ввиду угрозы соединения Наполеона с Ж. Э. Макдональдом и К. Ф. Шварценбергом в Вильно [10, с. 448]. Об этой угрозе М. И. Кутузов сообщил 23 ноября (5 декабря) и П. Х. Витгенштейну, рекомендуя ему в этом случае изменить направление своего движения на Вильно [10, с. 449].

23 ноября (5 декабря) 1812 г. М. И. Кутузову стало ясно, что К. Шварценберг не будет двигаться на Вильно [10, с. 551]. Исходя из этого, 25 ноября (7 декабря) М. И. Кутузов сообщает Александру об изменении первоначального плана операций, то есть принимает решение о переходе части войск за р. Неман. «Ежели неприятель в Вильне не остановится, что полагать можно потому, что неуповательно, чтоб он мог соединиться с князем Шварценбергом так скоро; неверно также и то, чтобы успел или возмог с ним соединиться Макдональд; повидимому, напротив, должно думать, что из отдаленных пунктов, в которых сии части находятся, соединение их последовать не может к одному центру [иначе], как долгими радиусами,¹ то есть за Неманом» [10, с. 454–455].

Хотя К. Шварценберг и отступал в противоположную от Вильно сторону, то есть в общем направлении на Варшаву, оставалась еще реальная опасность присоединения к остаткам французской армии корпуса Ж. Макдональда, почему М. И. Кутузов небезосновательно и полагал, что «корпус Макдональда соединенно с остатками главной неприятельской армии и войсками маршала Ожера могут составить значительную массу войск» [10, с. 493].

1 (13) декабря 1812 г. М. И. Кутузов сообщает Александру, что «Макдональд, естли не ускорит свое отступление, может быть разбит между Прегелем и Неманом», но «есть ли корпус маршала Макдональда успеет отступить к нижней части Вислы, тогда граф Витгенштейн останется обсервационным корпусом» в Восточной Пруссии, а «армия Чичагова направляется... к Варшаве», куда движется и Главная армия [10, с. 495–496].

В день, когда М. И. Кутузов писал императору свои предположения, X-й корпус Великой Армии, находившийся под командованием маршала Ж. Макдональда, располагался в Курляндии, в преддверии Риги, по рекам Аа и Эккау, с главной квартирой в Митау. Корпус состоял из 7-й французской дивизии, в составе которой находились французские, польские и баварские части, и трех прусских бригад, входивших в состав корпуса согласно французо-прусского союзного договора 12 (24) февраля 1812 г. Детализируя этот договор, к нему были подписаны два дополнительных соглашения 20 февраля (4 марта) 1812 г. и дополнительное соглашение 26 февраля (10 марта) 1812 г., согласно которым прусский корпус определялся как контингент численностью 20 тыс. чел. в составе Великой Армии и подчинялся приказам французского командования [23, с. 415].

Численность X-го корпуса в конце ноября 1812 г. составляла примерно 26 тыс. чел. [27, с. 198], то есть столько же, сколько в этот момент составляла вся Главная армия М. И. Кутузова. Понятно, почему М. И. Кутузов опасался присоединения корпуса к войскам Наполеона в Вильно или его отступления в Восточную Пруссию. Разгрому X корпуса М. И. Кутузов придавал решающее значение и нацеливал на это войска П. В. Чичагова, М. И. Платова и П. Х. Витгенштейна [10, с. 425, 428, 430, 448, 449, 482, 493, 495, 496, 503, 519].

Узнав из донесений П. Х. Витгенштейна и Ф. О. Паулуччи, что корпус Ж. Макдональда еще 24 ноября (7 декабря) 1812 г. находился в окрестностях Риги, М. И. Кутузовым 3 (15) декабря был «направлен корпус графа Витгенштейна через Вилькомир, Кейданы на Россию, дабы отрезав Макдональду путь в Пруссию, разбить его, чему способствовать может ... большая часть Рижского гарнизона» [10, с. 519, 581].

Согласно предписаниям М. И. Кутузова, П. Х. Витгенштейн 27 ноября (9 декабря) прибыл со своим корпусом в Кейданы [2, лл. 179–179об.]. В тот же день, слева от него, на ту же высоту Немана, в Ковно и Гезну прибыла армия П. В. Чичагова. В Кейданах П. Х. Витгенштейн реорганизовал движение своего корпуса, который двинулся дальше в следующем порядке.

Двигавшийся до сих пор правее Главной армии отдельный отряд генерал-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова, поступивший под общую команду П. Х. Витгенштейна, 27 ноября (9 декабря) вошел в Юрбург, между Вилькомиром и Тильзитом [2, лл. 174–175 об.]. П. В. Кутузов отправил от себя авангард полковника К. Ф. Тетенборна, который вошел в Рагнит [2, лл. 176–176 об.].

30 ноября (12 декабря) П. В. Кутузов со всем своим отрядом прибыл в Тильзит, присоединив к себе авангард П. Х. Витгенштейна под командой генерала Е. И. Властова. Отсюда, оставив Е. И. Властову один батальон и три эскадрона с двумя орудиями, П. В. Кутузов послал его из Тильзита по дороге на Тауроогген, в д. Кляйн-Пиктюпеннен, навстречу предполагаемого отступления Ж. Макдональда [2, лл. 179–179об.].

Вместо авангарда Е. И. Властова П. Х. Витгенштейн организовал новый авангард своего корпуса под командой генерал-майора Д. Д. Шепелева, 1 (13) декабря достигшего м. Вилены на р. Неман [2, лл. 174–175об.]. Отряд генерал-квартирмейстера корпуса генерал-майора И. И. Дибича 28 ноября (10 декабря) прибыл в Колтыняны [2, лл. 174–175об.]. В этом отряде и находился подполковник на русской службе К. Клаузевиц.²

Для преследования отступавшего от Риги Ж. Макдональда по распоряжению М. И. Кутузова 26 ноября (8 декабря) 1812 г. из состава Рижского гарнизона был выделен отряд генерал-лейтенанта Ф. Ф. Левиза [1, л. 1]. Ф. Ф. Левиз со своим отрядом двинулся прямо на юг, непосредственно преследуя корпус Ж. Макдональда. Часть рижского гарнизона, около 2,5 тыс. чел., осталась под командованием рижского генерал-губернатора Ф. О. Паулуччи, с которым тот двинулся правее Ф. Ф. Левиза в направлении на Мемель. 1 (13) декабря отряд Ф. Ф. Левиза, вошел в м. Келм, а генерал Ф. О. Паулуччи со своим отрядом подходил к Мемелю [2, лл. 168, 203–204].

Таким образом, корпус Ж. Макдональда находился окруженным со всех сторон. Сзади него находился корпус Ф. Ф. Левиза, правее его корпус Ф. О. Паулуччи, спереди авангард

П. В. Голенищева-Кутузова с отрядами Е. И. Властова и Ф. К. Теттенборна и отряд И. И. Дибича, позади которых двигался весь корпус П. Х. Витгенштейна во главе с авангардом Д. Д. Шепелева. Хотя каждый из окружавших Ж. Макдональда отрядов значительно уступал ему в численности, вместе они, даже без учета главных сил П. Х. Витгенштейна, не уступали ему. Тем не менее, даже не общая численность русских войск сыграла главную роль в отпадении прусских войск, а целеустремленность и настойчивость русского командования в преследовании Ж. Макдональда.

Прямую противоположность им представляло собой поведение французского командования. 23 ноября (5 декабря) 1812 г. Наполеон из м. Сморгонь выехал в Париж, оставив главнокомандующим Великой Армии своего зятя, Неаполитанского короля Иоахима Наполеона, известного как маршал И. Мюрат [28, с. 314]. Задачей ему было поставлено удержать Вильно, где необходимо было собрать и реорганизовать армию. Инструкции И. Мюрату, данные Наполеоном в момент отъезда, предусматривали, что войска «должны быть собраны вокруг Вильно, занимая линию расквартирования вокруг этого города на расстоянии, наивозможно лучшим для продовольствования» [27, с. 401–402].

Не сумев, однако, удержать Вильно и поспешно отступая к р. Неман, И. Мюрат в организационной неразберихе забыл отдать приказ Ж. Макдональду на своевременное отступление и тем самым поставил его корпус под угрозу уничтожения.

Поскольку Наполеон до последнего момента скрывал настоящее положение дел и состояние своих войск, никто за пределами его отступавшей армии не имел представления о складывавшейся в войне ситуации, том числе и Ж. Макдональд. Конечно, слухи о несчастьях французской армии, доходившие вместе с письмами, беглецами из армии, из английских и шведских газет, доходили и до главной квартиры Ж. Макдональда, но он ожидал все таки «положительного» приказа.

Помимо прочего, отношения между Ж. Макдональдом и Г. Йорком к тому моменту ухудшились вплоть до полного разрыва. Ж. Макдональд обвинял прусские войска в трусости, грабежах и насилиях над мирным населением, незаконных реквизициях, утайке снабжения от французских войск, а прусские власти в укрывательстве преступлений и клевете на французское командование. Между двумя командующими прекратились всякие сношения. Это привело к взаимной ненависти между двумя союзными начальниками. В то же самое время, генерал Г. Йорк, обеспокоенный возрастающими слухами о поражении Великой армии и беспорядочном отступлении Наполеона из Москвы, для прояснения сложившейся обстановки 20 ноября (2 декабря) 1812 г. направил в Вильно своего адъютанта лейтенанта К. Э. В. Каница.³

К. Каниц, вернувшийся из командировки в Митау 8 декабря, в подробностях живописал Г. Йорку развал и бедствия французской армии, превосходившие любые и слухи, и предположения. 27 ноября (9 декабря) 1812 г. Г. Йорк официально информировал об этом Ж. Макдональда. Тот, скорее всего из неприязни к прусскому генералу, сделал вид, что не поверил донесению Г. Йорка. Прошло еще десять дней, прежде чем он получил приказ на отступление из Митау на Ковно. Это было 6 (18) декабря 1812 г., когда в его тылу уже кишели казачьи разъезды.⁴

Поскольку времени на сбор и перегруппировку войск не было, войска Ж. Макдональда начали марш с мест их расквартирования. «Если мысленно перенестись на позиции, занятые 10-м корпусом, и если поразмыслить над необходимостью, благодаря которой он находился вынужденным начинать движение без минуты задержки, то видно, что маршал устанавливал свой марш самым логичным способом на свете, следуя своему квартирному расположению» [27, с. 218–219].

В результате весь корпус оказался разделенным на четыре колонны. В первом эшелоне двигались колонны генералов Ф. Массенбаха и Ш. Гранжана, во втором — генералов Г. Йорка и Ф. Клейста [27, с. 219–220, 222–223]. В составе колонны Ш. Гранжана находилась 7-я французская дивизия численностью примерно 9 тыс. чел. и 2-я прусская кав. бригада. Колонна Ф. Массенбаха состояла из части 2-ой прусской пехотной бригады полковника

Г. В. Горна в составе 3 бат., 2 эск. и 1 конной бат. После возвращения в середине похода 2-х пех. бат. из колонны Ш. Гранжана, общее количество колонны составило примерно 3,3 тыс. чел. при 200 лошадях. Эти две колонны, находившиеся в первом эшелоне непосредственно под командованием Ж. Макдональда, спешным маршем двигались к Тильзиту, пытаясь опередить там русские войска. Впереди них двигался авангард под командой генерала Ж. Д. Ж. Башелю, в составе которого находилась часть 2-й прусской пехотной бригады, позднее составившая один бат., и 4 эскадрона прусской кавалерии. Всего в этом эшелоне состояло 6 прусских батальонов, 10 прусских эскадронов, 2 пеших и 2 конные батареи. Численность всего эшелона составляла 12 тыс. чел. [18, с. 456–477; 27, с. 216–222 ; 31, с. 174–229; 32, с. 88].

Во втором эшелоне под командой Г. Йорка двигались: колонна из 1-й прусской пехотной бригады под командованием генерала Ф. Клейста численностью примерно 3,5 тыс. чел., и колонна под начальством самого Г. Йорка из 3-й прусской пехотной бригады, равной по численности бригаде Ф. Клейста. Обе колонны Г. Йорка, ввиду плохих дорог, обилия снега, наличия конвоя и обозов, двигались по разным дорогам. Эшелон под командой Г. Йорка двигался медленно, из-за сильного мороза останавливаясь на квартиры. Таким образом первый эшелон X-го корпуса оторвался от него на расстояние двух переходов. 12 (24) декабря обе прусские колонны соединились в м. Кроши и утром 13 (25) декабря двинулись на Колтыняны, причем первой марш совершала колонна Ф. Клейста, за ней двигались конвой и обозы, а замыкала процессию колонна Г. Йорка. В этот же рождественский день, 13 (25) декабря 1812 г., войска первого эшелона во главе с Ж. Макдональдом достигли м. Таурогген, в 50 км впереди от войск Г. Йорка.

На исходе этого дня, в предвечерних сумерках, около 4-х часов дня, примерно за милю⁵ до Колтынян, колонна Ф. Клейста наткнулась на кавалерию генерала И. И. Дибича, расположенную на окружающих высотах, образовывавших тесные дефиле, по которым в условиях зимнего времени проходила дорога на Колтыняны [27, с. 241]. Русский генерал тотчас же выслал к генералу Ф. Клейсту в качестве парламентаря прусского майора на русской службе Ройне (Reune) с предложением о переговорах. Ф. Клейст послал Г. Йорку извещение о предложении русских. В этот же самый момент, когда Г. Йорк получил письмо Ф. Клейста, к нему прибыл майор Русско-германского легиона К. Ф. Э. Дона,⁶ посланный парламентарем генералом Ф. Ф. Левизом, корпус которого, вернее, его авангард, подошел сзади к колонне Г. Йорка [29, с. 238]. Таким образом, войска генерала Г. Йорка оказались между отрядом И. И. Дибича, преградившим путь пруссакам спереди, и корпусом Ф. Ф. Левиза, подпиравшим их сзади.

В российской историографии, указывая о встрече Г. Йорка с И. И. Дибичем, авторы говорят о малочисленности русского отряда и делают вывод о неспособности его преградить путь прусским войскам. Но, как показывает изучение обстоятельств встречи, положения и состояния прусского корпуса, дело обстояло иначе.

Во-первых, в отечественной литературе неправильно определена численность противостоящих сторон. Под командой Г. Йорка указывалось от 16 до 20 тыс. чел., которым противостояли от 1,2 до 1,8 тыс. чел. И. И. Дибича [4, с. 282; 3, с. 590; 7, с. 339; 12, с. 318]. Между тем, у Г. Йорка было меньше людей, чем у противостоявших ему русских войск. Помимо того, что потери прусских войск в течение осени не были восполнены, поход 8–13 (20–25) декабря в двадцатиградусный мороз привел к высокой маршевой убыли. Только в первый переход 8 (20) декабря Г. Йорк потерял 800 человек больных, оставших и дезертиров [21, с. 146].

Помимо этого, более трети прусских войск состояло в эшелоне маршала Ж. Макдональда: в составе колонн Ф. Массенбаха и Ш. Гранжана, а также авангарда Ж. Башелю находилось 6 бат., 10 эск. и 4 батареи прусских войск. Кроме того, часть своих войск в количестве 1692 чел., в том числе 1 пех. бат., Г. Йорк отправил напрямую через Мемель и Куришскую косу в Кенигсберг [26, с. 497]. Поэтому на момент встречи с И. И. Дибичем 13 (25) декабря в двух колоннах Г. Йорка и Ф. Клейста находилось под ружьем не более 7 тыс. чел. [18, с. 457].

Однако, в отечественной литературе не указывается, что 13 (25) декабря к арьергарду Г. Йорка вплотную подошел авангард генерала Ф. Ф. Левиза. Согласно строевому рапорту 8 (20) декабря 1812 г., численность корпуса Ф. Ф. Левиза составляла 9025 чел., в том числе 1414 чел. кав. при 2170 лош. и 36 ор. [1, лл. 2–2об.; 2, л. 168].

Отряд И. И. Дибича 12 (14) декабря состоял из 8-ми эск. Гродненского гус. полка числом 727 чел., донских полков М. И. Родионова и М. Г. Чернузובה общей численность 533 чел., батальона 23-го егерского полка (посаженного на лошадей) в количестве 366 чел. и 8 ор. кон. № 1-го роты с составе 182 чел.⁷ Общее количество отряда И. И. Дибича составляло 1808 чел. Таким образом, 7 тыс. чел. и 32 ор. Г. Йорка и Ф. Клейста противостояли 10,8 тыс. чел. и 44 ор. Ф. Ф. Левиза и И. И. Дибича.

Во-вторых, Г. Йорк в двух колоннах имел всего 6 эскадронов, общей численностью 300 чел. кавалерии [18, с. 457]. Им противостояла добротная кавалерия И. И. Дибича и Ф. Ф. Левиза. В ночь с 13 (25) на 14 (26) декабря авангард Ф. Ф. Левиза под командованием полковника И. Н. Галате соединился с отрядом И. И. Дибича, в результате чего у последнего оказалось около 3 тыс. кавалерии, противостоявшей 300 пруссакам [6, с. 204–205]. В результате Г. Йорк не имел ни охранения, ни разведки, не мог противостоять набегам неприятельской кавалерии и попросту не мог ее атаковать.

В-третьих, между колоннами Ф. Клейста и Г. Йорка двигался огромный обоз, нагруженный контрибуцией с Курляндии и транспорт с ранеными и больными, растянувшиеся больше, чем на милю [17, с. 553]. Этот-то обоз и портил окончательно все дело.

С самого начала длинные и быстрые переходы ночами, в сильный мороз, по гололеду и снегу, в сопровождении огромного обоза и конвоя с ранеными и больными, число которых постоянно увеличивалось, привели к крайней неорганизованности марша. Батальоны и полки шли в беспорядке. Подразделения двигались неправильными дистанциями. Целые части шли, полностью перемешавшись. Большинство офицеров были больны. Обоз терял людей и лошадей, причиняя бесконечные задержки и перебои в движении, во время которых люди замерзали. Узкие дороги и разбитые обочины, снег, гололед, не давали пехоте двигаться по сторонам от дороги [17, с. 552].

Проще говоря, войска Г. Йорка были растянуты в двадцатикилометровую колонну перемешанных людей, сбор и построение которых в боевые порядки представляли собой трудноразрешимую задачу.

В-четвертых, желая облегчить трудный зимний поход, Г. Йорк, перед выступлением с мест расквартирования, отправил на Мемель все системообразующие части своих войск: все обозы офицеров, все обозы войск левого фланга (бригады полк. Г. В. Горна), всю администрацию, все амбулатории корпуса, в том числе и ветеринарную, и их персонал, все походные мастерские, все инженерные роты, собранные в маршевый саперный батальон, все парки с боеприпасами и полторы артиллерийские батареи [31, с. 174].

В результате войска Г. Йорка представляли собой маршевое соединение, не предназначенное для эксплуатации в боевых условиях. Артиллерия имела минимум зарядов на передках, пехота имела только носимое количество выстрелов, аптек и медперсонала не было, обиходовать и транспортировать раненых было нечем и нечем, ремонтировать транспортное и артиллерийское оборудование и снаряжение было некому и нечем, продовольствия и фуража было на два дня. Реально Г. Йорк не имел организованного воинского соединения.

Прусская кавалерия, завидев русских, окружавших дорогу, совершила на них атаку, но была отбита превосходящими силами донских полков, потеряв при этом убитыми 46 и взятыми в плен 48 чел. [11, с. 804, 811]. В результате только одной атаки пруссаки потеряли сразу треть своей, и так весьма немногочисленной, кавалерии. Дальнейшие попытки сбить русскую кавалерию с высот не представлялись возможными.

Ф. Клейст, в четыре часа дня 13 (25) декабря первым увидевший русскую кавалерию, расставленную на окружавших дорогу холмах, мгновенно оценил невозможность сопротивления. Произведя рекогносцировку, Ф. Клейст убедился, что при физическом

истощении людей и невозможности тактически правильно развернуть колонну, он напрасно принесет их в жертву [33, с. 179]. Ф. Клейст не сомневался, что при попытке в сумерки произвести эти маневры, на зимней пересеченной местности, часть людей разбежится, а в подразделениях исчезнут остатки дисциплины. Первый момент встречи с противником заставил дрогнуть сердце старого прусского солдата. Чтобы выиграть время до полной темноты и подхода колонны Г. Йорка, Ф. Клейст согласился принять русского парламентаря [31, с. 149–153].

Положение, в котором оказались прусские войска, было хуже некуда. Они не могли атаковать русскую кавалерию, не могли даже просто прогнать ее, как не могли препятствовать ее нападениям. Они не могли снабжаться продовольствием и фуражом. Они не могли бивуакировать ввиду неприятельской кавалерии и артиллерии. Они не могли даже передвигаться ввиду их.

В первый же переход Г. Йорк потерял бы обоз. В два перехода – артиллерию. Он не мог транспортировать раненых и больных и был бы вынужден бросить их на произвол судьбы, что окончательно деморализовало бы еще находившихся под ружьем людей. В два-три перехода, в окружении превосходящей кавалерии, люди Г. Йорка частично были бы захвачены, частично ранены, частично обморожены, а большая часть просто разбежалась бы. То есть, Г. Йорка ждала судьба всей французской армии, о несчастях которой он уже много наслушался.

Речь не идет о военном поражении, в котором пруссаки могли бы отстоять свою военную честь. Войска Г. Йорка в несколько дней растворились бы, как и все «московские» войска Наполеона. Прусские войска должны были выбирать: или бесславно погибнуть, или пытаться разговаривать с русскими.

Без сомнения, Г. Йорк подчинился только военной необходимости, которая не оставляла ему ни одного шанса спасти военную честь прусских войск. Впрочем, Г. Йорк пытался использовать свою единственную возможность, и 14 (26) декабря, под прикрытием переговоров, вместо перехода на Шелель, повернул свою колонну на Ласково [18, с. 475]. Кроме того, Г. Йорк бросил часть обоза. Этим движением Г. Йорк пытался нащупать путь на Мемель, оставив в стороне И. И. Дибича и Ф. Ф. Левиза. Но, во-первых, он выходил на еще худшую дорогу, на которой оторваться от русской кавалерии было невозможно, во-вторых, ему наперез выступал весь корпус Ф. Ф. Левиза и, в-третьих, ему стало известно, что к Мемелю уже подходил корпус Ф. О. Паулучи.

Действительной причиной отпадения прусского корпуса от французской армии в декабре 1812 г. стало военное принуждение, оказанное русскими войсками на командование прусского корпуса в лице генерала Г. Йорка, войска которого были поставлены под угрозу уничтожения. Только сила русского оружия, в условиях провала наполеоновской компании, вынудила прусских генералов прибегнуть к защите нейтральной конвенции.

Но не менее важным вопросом является влияние Тауроггенской конвенции на защиту Восточной Пруссии, поскольку тот же К. Клаузевиц утверждал, что благодаря ей «русское преследование могло теперь распространиться до прусской Вислы», в противном случае «русский поход закончился бы тогда на границе Пруссии» [9, с. 157, 212].

Проблема состоит в том, были ли у французского командования желание и возможность защищать Восточную Пруссию? Изучение переписки французского командования, прусской администрации, положения находившихся там французских и прусских войск говорит об обратном.

Восточная Пруссия с ее главными морскими и речными портами, Данцигом и Кенигсбергом, реками и каналами, являлась базой, на которую оперировала французская армия в России. Ее потеря лишала Наполеона возможности взять реванш в новой кампании, вынуждала его отвести операции будущей весной за р. Висла и, что еще хуже, отдавала во власть русских Герцогство Варшавское. Это понимание должно было мобилизовать всю твердость и энергию французского командования в деле обороны этой страны.

Между тем, не было проявлено ни малейших признаков такого понимания. И. Мюрат, возглавивший Великую Армию после отъезда Наполеона, должен был, согласно инструкци-

ям своего шурина, организовать сбор французской армии и ее зимовку сначала в Вильно, затем в Ковно [27, с. 201–204]. Однако, это ему не удалось сделать ввиду развала французской армии, отсутствия административной воли и продолжавшегося русского наступления.

Прибыв в Кенигсберг 7 (19) декабря 1812 г., И. Мюрат должен был ожидать решение участи корпуса Ж. Макдональда и с этой целью он пытался организовать контрнаступление на р. Прегель, для поддержки отступления Ж. Макдональда на Тильзит. Кроме того, И. Мюрат пытался на месте реорганизовать свои войска вместе с подходящими к нему резервами.

Вместе с тем, И. Мюрат, как и все высшее командование Великой Армии, был уверен, что русская армия пострадала от маршей, голода и холода не меньше, чем французская, что Неман был достигнут ею на последнем дыхании и она не сможет следовать дальше. Эти иллюзии оказались роковыми не только для защиты Восточной Пруссии, но и для судьбы всей французской армии в начале 1813 г.

19 (31) декабря 1812 г., генерал-майор Н. Г. Репнин-Волконский, желая задержать Ж. Макдональда в Тильзите, чтобы выиграть время для его полного окружения, послал к Ж. Макдональду парламентаря для переговоров. Русское командование преследовало цель задержать маршала на несколько часов. Так это воспринял и Ж. Макдональд, обещавший дожидаться русского парламентаря 20 декабря 1812 г. (1 января 1813 г.), но начавший немедленно форсированный марш с остатками своих войск.

И. Мюрат, бросивший Кенигсберг 20 декабря (1 января), после известия о Тауроггенской конвенции, получил рапорт Ж. Макдональда 21 декабря (2 января). Он воспринимает это известие за начало долгожданных переговоров и уверен в скором перемирии [14, с. 320; 15, с. 252]. Заблуждение И. Мюрата настолько велико, что, еще не начав переговоров, он выдвигает условия этого перемирия: «Его Величество [Неаполитанский король, т. е. И. Мюрат] уезжает сегодня утром в Эльбинг, не получив известий от герцога Тарентского [Ж. Макдональда] и не узнав результат встречи маршала с князем Репниным. В любом случае, сообщите герцогу Тарентскому, что у него может быть соглашение только о расположении зимних квартир. Его Величество одобрит договор, при котором мы займем линию Прегеля, защищающую Пиллау, выход из Нерюнгри на Мемель, Лабиау, Прегель и линию, проходящую через Вилленберг и Пултуск; князь Шварценберг сохраняет Варшаву и Великое Герцогство [Варшавское]. Король согласится на подобное соглашение» [15, с. 320]. И. Мюрат и А. Бертье извещают Наполеона о перемирии, как решенном деле [16, с. 257, 289–290].

В то же время, французское командование начинает понимать, что русская армия не собирается прекращать преследование и, как положено, становится на зимнее расквартирование: «Мы должны ожидать, что *неприятель не остановится*, и неизвестно, куда он пойдет» [15, с. 337]. Исчезли все иллюзии «*на мирный настрой русских*» [15, с. 348; 16, с. 398]. Когда это становится ясно, И. Мюрат в отчаянии 23 декабря (4 января) заявляет Наполеону об эвакуации р. Висла [16, с. 290].

Очевидно, что в Вильно, Ковно, Кенигсберге и Эльбинге, тех местах, где И. Мюрат отдавал приказы на остановку, он не имел в виду оборону этих рубежей. Каждый раз, когда у него идет речь об удержании местности, имеется в виду не собственно вооруженное сопротивление, а простое занятие зимних квартир. Это были не отступление и не оборона, а поиск спокойного расквартирования.

История с Н. Г. Репниным показывает, что расчеты И. Мюрата на корпус Ж. Макдональда были самовнушением. Иллюзии короля и его окружения состояли в том, что русские не осмелятся атаковать Кенигсберг, если бы там находились Ж. Макдональд с Г. Йорком. Настойчивость русских, никак не хотевших останавливаться, а, наоборот, с упорством двигавшихся вперед, вызывала вспышки отчаяния, раздражения и гнева короля.

Между тем, никакие прусские войска не стали бы защищать Восточную Пруссию. У них были прямо противоположные указания. Г. Йорк, в свое время, получил распоряжение, в случае отступления французской армии из России, отходить на Грауденц и там запереться.⁸

В тоже время, пока Г. Йорк находился в Курляндии, в Кенигсберге его заменял генерал-майор Ф. Бюлов, командующий Восточно-прусской бригадой и генерал-губернатор Западной Пруссии. У него были точные указания. 13 (25) декабря 1812 г. Ф. Бюлов получил приказ прусского короля от 9 (21) декабря перевести все находящиеся в его распоряжении войска и вновь формируемые резервы за р. Висла, для чего ему в тот же день были назначены места сбора войск, рекрутов и ремонтов [25, с. 17].

21 декабря (2 января) Ф. Бюлов увел из Кенигсберга все наличные прусские силы [20, с. 46]. Ф. Бюлов забрал с собой и вышеупомянутый конвой Г. Йорка, отправленный им через Мемель. Об отношениях союзников говорит тот факт, что Ф. Бюлов проводил рекрутов и людей из корпуса Г. Йорка, переодетыми в крестьян, сопровождавших телеги со своим добром [31, с. 229]. Кроме того, Ф. Бюлов захватил с собой и оба прусских кавалерийских — Гусарский № 2 и маршевый Уланский — полка с двумя артиллерийскими батареями, прибывшие в Кенигсберг с остатками Великой Армии из Москвы [26, с. 497; 20, с. 46].

15 (27) декабря 1812 г. генерал Ф. О. Паулуччи захватил Мемель и открыл путь в обход линии Тильзит-Лабиау через Куришскую косу, прямо в тыл французским войскам, оборонявшим Кенигсберг. Захват Мемеля и капитуляция расположенного там прусского гарнизона свидетельствовали французскому командованию и пруссакам о твердом намерении русских продолжить наступление [24, с. 320].

Вместе с тем, движение русских войск уже казалось французам «умным и осторожным» [15, с. 342] и устремлялось в оперативную дыру, образовавшуюся между французскими войсками в Восточной Пруссии и союзными войсками в Польше. Движение М. И. Платова и П. В. Чичагова через Гумбинен, Инстербург и Прейсиш-Эйлау выводило их напрямую на р. Висла, минуя Кенигсберг. 27 декабря 1812 г. (8 января 1813 г.) М. И. Платов достиг Прейсиш-Голланда. В два дня русская кавалерия заполонила всю местность между Мариенбургом и Эльбингом [27, с. 303–305].

В итоге, наступление русских войск в составе 3-й Западной армии П. В. Чичагова и корпуса М. И. Платова в Восточной Пруссии развивалось без оглядки на прусские войска, застрявшие в Курляндии, минуя Кенигсберг, прямо на р. Висла к городам, находившимся в самом центре позиции, позволившей бы защищать не только Западную, но и Восточную Пруссии: Эльбину и Мариенбургу.

Примечания

¹ То есть окружным путем, отступая далеко назад.

² В прусском корпусе Г. Йорка служили два родные брата К. Клаузевица.

³ К. Каниц поехал в Вильно через Ковно, где «непрерывно встречались нам сани с причудливо закутанными фигурами, офицерами и солдатами, всадниками и пешими, но все же большинство мне казались кавалеристами. Все места по дороге были наполовину разрушены. В большинстве, кроме нескольких домов, в которых устраивались принадлежащие армии солдаты, не было видно ни одного человека и все было опустошено».

23 ноября (5 декабря) 1812 г. Каниц прибыл в Вильно, где предстал перед полковником Ф. В. Л. Круземарком, прусским агташе при французском министре Г. Маре. Во время беседы с Ф. Круземарком К. Каницу «становилось ясно, что генералу Йорку может быть совершенно все равно, довольны им или нет Макдональд и император; вся история, из-за которой я был послан, раздоры из-за снабжения, упреки Макдональда, все отношения между ним и Йорком показались мне незначительным второстепенным делом наряду с ужасными обстоятельствами, развязка которых была так близка». «Во всей этой путанице у меня был только один знакомый, майор Шенк, переведенный из нашего корпуса в Померанский гусарский полк, из которого два эскадрона были при Великой армии, но который до сих пор оставался в Вильно».

Из разговора с й. К. Д. Шенком Каниц узнал, что «никто больше не делал тайны из отступления и ужасных потерь [французской армии]; но отчетливо еще не воспринимали полный упадок, и многие утешали себя тем, что русские тоже были рассеяны, и отступлению и пребыванию в Вильно не будет препятствий со стороны неприятеля». Наконец, «б-го утром движение заметно усилилось, отъезжали

все, кто мог двигаться дальше». В город «непрерывно входили беглецы: фигуры, которые вряд ли можно представить [себе даже] в смутном сне редкой фантазии, ехали на повозках, верхом и шли в почти непрерывных рядах; многие беспомощно ложились на дороге и все с отупелым равнодушием переступали через них». Весь день «шествие беглецов продолжалось беспрерывно».

«Вечером 6-го суток в городе становилась все сильнее», когда К. Каниц выехал из Вильно. 26 ноября (8 декабря) 1812 г. К. Каниц прибыл в Митау, где «сообщил генералу Йорку то, что я слышал и видел. Казалось, что он посчитал мой доклад преувеличенным. Я заверил его, что вскоре он получит другие описания состояния армии, что он и их все посчитает преувеличенными, но что никто не достигнет ужасающей правды этих бедствий. Он приказал мне ни с кем, за исключением генерала Клейста и полковника Редера, не говорить о моем задании. Я свое слово сдержал» [18, с. 538–549].

⁴ Приказ, подписанный А. Бертье 27 ноября (9 декабря) 1812 г., майор Й. Шенк доставил Ж. Макдональду в Митау в ночь с 5 на 6 (с 17 на 18) декабря 1812 г., т. е. почти через 10 дней после его отдачи. Задержка в доставке приказа объясняется тем, что майор Й. Шенк из Вильно поехал на Тильзит, где задержался у своей невесты Юлии, дочери генерала Л. Бажко. Затем, ради объезда казачьих разъездов, он двинулся на Митау через Тельч. По воспоминаниям генерала Л. Бажко, сам он находился в это время в Кенигсберге [14, с. 242–261].

⁵ Здесь и далее имеется ввиду немецкая географическая миля, равная 7,486 км.

⁶ Сын Президента сословного комитета Восточной Пруссии Ф. А. Дона.

⁷ М. И. Богданович указывает численность отряда И. И. Дибича в 1,4 тыс. чел. и в его составе один бат., 8 эск., 3 дон. полка и 6 ор. [4, с. 370]. А. И. Сапожников, следуя за М. И. Богдановичем, приводит тот же состав отряда [11, с. 689]. Однако, сам А. И. Сапожников указывает, что донской полк И. Н. Лащилина находился в корпусе П. Х. Витгенштейна [11, с. 692, 795–796] и принимал участие в военных действиях в составе отряда П. В. Голенищева-Кутузова, куда он попал из авангарда И. Е. Властива [6, с. 17]. А. И. Сапожников указывает на два донских полка, состоявших в отряде И. И. Дибича [11, с. 802–804, 811–813]. Десятидневные рапорта корпуса П. Х. Витгенштейна приводят состав и численность отряда И. И. Дибича, существенно отличающиеся от сведений М. И. Богдановича [6, с. 5, 11, 17, 18, 27, 28].

⁸ Согласно письму генерала Л. Врангеля прусскому принцу-наследнику 18 (30) июня 1838 г., впервые опубликованному Ф. Тимме, он, будучи флигель-адъютантом прусского короля, в августе 1812 г. был послан в Митау с устными инструкциями короля к генералу Ю. Граверту. Однако, к моменту приезда майора Л. Врангеля, Ю. Граверта на посту командующего прусским корпусом 23 августа (4 сентября) 1812 г. сменил генерал Г. Йорк, которому Л. Врангель и передал устное распоряжение короля. Эти инструкции предусматривали, в случае отступления французской армии из России, отделение прусского корпуса от французских войск и отступление на Грауденц, где они должны были запереться как от французских, так и от русских войск. «Я застал его [Йорка] — вспоминал в этом письме Л. Врангель, — не склонным выполнять такие важные приказы на основе голых устных сообщений, и только по истечении 14-ти дней после возражений мне удалось подвигнуть его на выполнение королевских приказов, и между аванпостами состоялись переговоры, которые я начал с русским генералом Эссенем, где было найдено полное взаимопонимание. Поэтому генерал Йорк следовал не собственной инициативе [при подписании Тауроггенской конвенции], а только приказам, которые я ему передал»: [30, с. 262]. Кроме того, в подтверждение своей версии, Ф. Тимме опубликовал дневник Л. Врангеля: [22]. Письмо Л. Врангеля опубликовал и О. Остен-Сакен [26, с. 92]. Однако, А. Холлебен усомнился если не в существовании такой инструкции, то, по крайней мере, в правдивости комментариев к ней самого Л. Врангеля, и отверг влияние этих инструкций на решение Г. Йорка. Кроме того, А. Холлебен заметил, что поступок Г. Йорка прямо нарушал эти инструкции, что было тяжким военным преступлением [20, с. 33–34]. Г. Андреев в своей диссертации указал, что первый пункт этих инструкций в передаче Л. Врангеля противоречит второму и третьему, а сами эти инструкции, как и дневник Л. Врангеля, являются подделкой [13, с. 70]. То есть, Г. Йорк должен был вывести войска с театра военных действий, но никак не подписывать соглашения с противником. В. Фосс подтвердил выводы Г. Андреева [34, с. 26].

Литература:

1. РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153а. Св. 21. Д. 3105.
2. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3511.
3. Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М.: Соцэргиз, 1962.
4. Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 3. СПб.: С. Струговщиков, 1860.
5. Военский К. А.. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. Т. 2. Балтийская окраина в 1812 году. СПб.: А. Ф. Штольценбург, 1911.

6. Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. III. Военные действия в январе, феврале и марте. Пг.: Воен. тип., 1917.
7. Жилин П. А. Отечественная война 1812 года. М.: Наука, 1988.
8. Жучков К. Б. Внешнеполитическое самоопределение Пруссии в декабре 1812 – январе 1813 гг. // Россия, Польша и Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М.: Индрик, 2009.
9. Клаузевиц К. 1812 год. М.: Захаров, 2003.
10. М. И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. 2. М.: Воениздат, 1955.
11. Сапожников А. И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М., СПб.: Альянс-Архео, 2012.
12. Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М.: Центрполиграф, 2002.
13. Andrees H. Der Einfluss des Flügeladjutanten Freiherrn Ludwig von Wrangel auf die Konvention von Taugoggen. [Berlin]: R. Trenkel, 1907.
14. Baczko L. von. Geschichte meines Lebens. Bd. 3. Königsberg: E. d. Verfassers, 1824.
15. Chuquet A. 1812. La guerre de Russie. Notes et documents. 2ème série. Paris: Fontemoign et Cie, 1912.
16. Chuquet A. 1812. La guerre de Russie. Notes et documents. 3ème série. Paris: Fontemoign et Cie, 1912.
17. Die Theilnahme des preussischen Hülfskorps an Feldzuge gegen Russland im Jahre 1812 // Kriegsgeschichtliche Einzelschriften. Bd. 4. H. 24. Berlin: Mittler, 1898.
18. Droysen J. G. Das Leben des Feldmarschalls Grafen York von Wartenburg. Bd. 1. Berlin: Mittler, 1851.
19. Eckardt J. York und Paulucci. Aktenstücke und Beiträge zur geschichte der Convention von Taugoggen (18./30. December 1812). Leipzig: Veit & Comp., 1865.
20. Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte. Bearb. von [A.] Holleben. Bd. 1. Vorgeschichte und Geschichte des Feldzuges bis zum 26. April 1813. Berlin: Mittler, 1904.
21. Henckel von Donnersmarck W. Erinnerungen aus meinem Leben. Zerbst: Kummer, 1846.
22. Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte. Bd. 18. Leipzig, 1905.
23. Martens G.-F. Nouveau recueil des traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité... des puissances et États de l'Europe. T. I. 1808–1814. Gottingue: Dieterich, 1817.
24. Lehmann M. Knesebeck und Schön. Beiträge zur Geschichte der Freiheitskriege. Leipzig: Hirzel, 1875.
25. [Prittwitz K.] Beiträge zur Geschichte des Jahres 1813. Von einem höhern Offizier der preussischen Armee. Bd. 2. Potsdam: F. Riegel, 1843.
26. Osten-Sacken und von Rhein O. von der. Militärisch-politische Geschichte des Befreiungskrieges im Jahre 1813. Bd. 1. (Vorgeschichte). Vom Njemen bis zur Elbe. Berlin: Vossische Buchhandlung, 1903.
27. Reboul F. Campagne de 1813. Les préliminaires. T. 1. Le commandement de Murat (5 décembre 1812 – 16 janvier 1813). Paris: R. Chapelot & Cie, 1910.
28. Schuermans A. Itinéraire général de Napoléon Ier. Paris: A. Picard, 1908.
29. Seydlitz A. Tagebuch des Königlich Preussischen Armeekorps unter Befehl des General-Lieutenants von York im Feldzuge von 1812. Bd. 2. Berlin u. Posen: E. S. Mittler, 1823.
30. Thimme F. Zur Vorgeschichte der Convention von Taugoggen // Forschungen zur brandenburgischen und preussischen Geschichte. Bd. 13. Leipzig, 1900.
31. Treuenfeld B. Das Jahr 1813. Bis zur Schlacht von Gross-Görschen. Leipzig: Zuckschwerdt & Co., 1902.
32. Ussel J. dé. Etudes sur l'année 1813. La défection de la Prusse (décembre 1812 – mars 1813). Paris: Plon-Nourrit, 1907.
33. Vermeil de Conchard P. Campagne et defection du corps prussien de la Grande Armée (France, Prusse et Russie en 1812). Paris: H. Charles-Lavauzelle, [1903].
34. Voss W. Die Konvention von Taugoggen. Berlin: E. Ebering, 1910.